

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 341.2

Углубление политики «поворота на Восток» в контексте антироссийских санкций: политическое значение цифрового сотрудничества между Китаем и Россией

¹ Ханьтин Се

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в условиях всесторонних санкций, наложенных Западом на Россию, стратегия «Поворота на Восток» стала ключевым вектором российской внешней политики. Китай, как один из мировых лидеров в области цифровых технологий, занимает в этой стратегии центральное место. Настоящая статья посвящена анализу политического значения цифрового взаимодействия между Китаем и Россией, с акцентом на его эффективность и влияние в технологическом, институциональном и геополитическом измерениях. Через исследование политических предпосылок «Поворота на Восток», оценку роли Китая в реализации этой стратегии и анализ текущего состояния и вызовов цифрового сотрудничества, делается вывод о том, что цифровая сфера становится новым драйвером в развитии российско-китайских отношений и играет стратегическую роль в формировании альтернативной – незападной – модели международного взаимодействия. Одновременно подчеркиваются такие препятствия, как структурная несбалансированность, нехватка институциональной согласованности и внешняя неопределенность, которые требуют от обеих стран выстраивания устойчивой, институционализированной и основанной на доверии модели партнёрства. В статье обосновывается, что цифровое сотрудничество между Китаем и Россией несёт не только экономическую, но и политико-стратегическую значимость, отражая институциональную конкуренцию и переустройство мировой системы управления.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, поворот на Восток, цифровое сотрудничество, Один пояс – один путь, евразийское партнёрство, цифровой суверенитет, geopolitika

Для цитирования: Ханьтин Се Углубление политики «поворота на Восток» в контексте антироссийских санкций: политическое значение цифрового сотрудничества между Китаем и Россией // Современный ученый. 2025. № 8. С. 417 – 425.

Поступила в редакцию: 6 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Deepening the “Pivot to the East” policy in the context of anti-Russian sanctions: political significance of digital cooperation between China and Russia

¹ Hanting Xie

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: in the context of comprehensive sanctions imposed by the West on Russia, the "Pivot to the East" strategy has become a key vector of Russian foreign policy. China, as one of the world leaders in digital technologies, occupies a central place in this strategy. This article analyzes the political significance of digital interaction be-

tween China and Russia, with an emphasis on its effectiveness and impact in technological, institutional and geopolitical dimensions. Through a study of the political prerequisites for the "Pivot to the East", an assessment of China's role in the implementation of this strategy and an analysis of the current state and challenges of digital cooperation, it is concluded that the digital sphere is becoming a new driver in the development of Russian-Chinese relations and plays a strategic role in the formation of an alternative – non-Western – model of international interaction. At the same time, it highlights such obstacles as structural imbalances, lack of institutional coherence and external uncertainty, which require both countries to build a sustainable, institutionalized and trust-based partnership model. The article argues that digital cooperation between China and Russia is not only of economic but also of political and strategic significance, reflecting institutional competition and the reorganization of the global governance system.

Keywords: Sino-Russian relations, turn to the East, digital cooperation, One Belt, One Road, Eurasian partnership, digital sovereignty, geopolitics

For citation: Hanting Xie Deepening the "Pivot to the East" policy in the context of anti-Russian sanctions: political significance of digital cooperation between China and Russia. Modern Scientist. 2025. 8. P. 417 – 425.

The article was submitted: April 6, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

С начала кризиса на Украине в 2014 году западные государства ввели против России масштабные санкционные меры, серьезно ограничив её политическое, экономическое и технологическое присутствие на европейском рынке. В результате Россия была вынуждена ускорить реализацию стратегии «Поворот на Восток», сосредоточившись на укреплении сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего с Китаем. В условиях новых реалий китайско-российские связи постепенно углубляются, выходя за рамки традиционного партнерства в энергетике и обороне и охватывая такие современные сферы, как цифровая экономика и высокие технологии. Особенно заметным элементом стало цифровое взаимодействие, ставшее важным компонентом двусторонних отношений.

Китай, будучи одним из лидеров в глобальной цифровой трансформации, достиг значительных успехов в таких областях, как искусственный интеллект, большие данные, электронная торговля и технологии блокчейн. В условиях усиливающегося внешнего давления со стороны западных стран в виде санкций и технологических ограничений цифровое сотрудничество между Китаем и Россией приобретает не только экономическую, но и стратегическую значимость [7, с. 50]. В связи с этим анализ политической составляющей цифрового взаимодействия двух стран представляет собой важную задачу как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку позволяет глубже понять логику и перспективы реализации российской восточной стратегии.

Настоящее исследование систематически рассматривает ключевые предпосылки, механизмы

развития и реальные вызовы, с которыми сталкивается цифровое партнерство России и Китая. Особое внимание будет уделено вкладу Китая в это взаимодействие, а также его роли в укреплении стратегического курса России на Восток. При этом будет проанализирована связь между инициативой «Один пояс, один путь» и Евразийским экономическим партнерством, что позволит выявить возможные точки пересечения интересов и потенциальные угрозы для китайско-российского сотрудничества.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование опирается на анализ научной литературы по теме исследования, синтез необходимо информации относительно «Поворота на Восток», а также контент-анализа важных для статьи источников.

Результаты и обсуждения

В условиях трансформации глобальной системы международных отношений поворот России к Востоку нельзя рассматривать как резкую или спонтанную меру – он стал следствием длительного взаимодействия ряда внутренних и внешних факторов. Несмотря на давние традиции контактов России с азиатскими государствами, включая Китай, долгое время ее приоритеты были ориентированы на Европу [14]. Однако под влиянием радикальных изменений в международной политике, включая рост санкционного давления и углубление институционального противостояния с Западом, Россия была вынуждена переосмыслить вектор своей внешней политики, акцентируя внимание на Восточной Азии и АТР как ключевых направлениях своего развития.

С точки зрения международной обстановки, после событий в Крыму в 2014 году Россия оказа-

лась под жесткими санкциями со стороны западных стран, затронувшими критически важные сферы – от финансов и энергетики до высоких технологий. Это резко сузило возможности экономического роста и вынудило Россию срочно искать новых партнеров [9, с. 10]. В этих условиях Китай с его масштабным рынком, устойчивой внутренней политикой и интенсивным технологическим прогрессом оказался оптимальным выбором для реализации восточного стратегического курса.

Во-вторых, с внутренней точки зрения, значительная зависимость российской экономики от экспорта энергоресурсов и уязвимость её рыночной структуры делают её особенно чувствительной к рискам в условиях нарушенной глобализации и нарастающих геополитических противоречий. В этих обстоятельствах развитие сотрудничества с азиатскими государствами, особенно в секторах с высокой добавленной стоимостью, таких как цифровые технологии и инновационные отрасли, рассматривается как способ диверсифицировать экономику и продвинуть её технологическое обновление.

Кроме того, «поворот на Восток» отражает не только экономические приоритеты, но и стремление России восстановить свою международную субъектность и стратегическую самостоятельность. Укрепляя связи с внезападными центрами силы, Россия стремится преодолеть ограничения, налагаемые западноцентрической архитектурой мирового порядка, и занять устойчивую позицию в формирующейся многополярной системе [2, с. 15]. В этом контексте усиливается роль Китая и растет зависимость от него как ключевого стратегического партнёра.

Основное содержание российской стратегии «поворота на Восток» заключается в изменении структуры внешнеполитического фокуса под давлением сложных внешних и внутренних факторов. Её цель – опираться на поддержку азиатских держав, в первую очередь Китая, для обеспечения долгосрочной безопасности, экономической стабильности и технологической независимости.

По мере реализации этого курса Китай не только укрепил свою роль как приоритетного партнёра России, но и стал центральной фигурой в российской концепции «постзападной» модели международного взаимодействия [5, с. 7]. За последнее десятилетие российско-китайские отношения трансформировались от просто стратегического партнерства к формату «всеобъемлющего

взаимодействия в новую эпоху», что стало логичным продолжением их экономической взаимодополняемости и отражает общий интерес к реформированию мирового порядка.

С практической стороны, Китай предоставляет России значительные возможности для замещения утраченных рынков и установления технологического взаимодействия. На фоне западных санкций и технологических ограничений китайский бизнес активно расширяет своё присутствие в России в таких сферах, как энергетика, инфраструктура, цифровые технологии и трансграничные финансы. Так, компании Huawei и ZTE внесли важный вклад в развитие телекоммуникационной и информационной инфраструктуры России, частично компенсируя уход западных игроков. Параллельно стороны добились прогресса в переходе на расчёты в национальных валютах – рублях и юанях, что снизило влияние ограничений, накладываемых долларовой финансовой системой.

С точки зрения стратегии, Китай и Россия во многом сходятся во взглядах на реформирование глобального управления и построение многополярного мира. В этом контексте страны активно координируют свои действия на международных платформах – таких как ШОС и БРИКС, – выступая против гегемонии и поддерживая усилия по укреплению позиций внезападных государств [13, с. 5]. Для России углубление взаимодействия с Китаем служит не только источником внешней поддержки, но и укрепляет её международные переговорные позиции.

Тем не менее, несмотря на высокий уровень согласованности и доверия, в отношениях сохраняются структурные неравенства и стратегическая настороженность [8, с. 28]. С одной стороны, существует ощущимая разница в масштабах экономик и технологическом потенциале двух стран, что порождает риск дисбаланса, при котором Россия становится всё более зависимой от китайских технологий и цифровых решений. С другой – глобальная стратегия Китая, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», превосходит российскую как по масштабам политического влияния, так и по инвестиционной активности, что вызывает обеспокоенность по поводу снижения влияния России на постсоветском пространстве.

Кроме того, сотрудничество двух стран осложняется несовпадением правовых систем, недостаточной институциональной координационностью и различиями в подходах к

регулированию цифровой сферы. Особенno это касается вопросов суверенитета данных, кибербезопасности и технических стандартов, что может ограничивать потенциал углубления взаимодействия в будущем.

Китай одновременно выполняет для России как поддерживающую, так и потенциально рискованную роль в контексте стратегии «поворота на Восток». С одной стороны, Китай предоставляет реальные возможности для развития; с другой – сохраняющиеся структурные диспропорции и стратегические опасения подчеркивают необходимость создания более сбалансированных и институционально защищённых форм сотрудничества по мере его расширения.

В постпандемический период и на фоне стремительного прогресса глобальных технологий цифровая сфера превратилась в ключевую площадку для межгосударственной конкуренции и партнёрства [6, с. 119]. В условиях санкционного давления и исключения из западных технологических, сетевых и платформенных систем Россия сталкивается с необходимостью создания автономной, защищённой цифровой инфраструктуры и технологической среды. В этом контексте Китай, как один из лидеров мировой цифровой трансформации, представляет собой крайне подходящего и взаимодополняющего партнёра, а цифровое взаимодействие становится одним из главных направлений и опор российско-китайских отношений.

В первую очередь стоит отметить значительный прогресс в совместной деятельности по развитию телекоммуникационных технологий и строительству цифровой инфраструктуры. Китайские компании Huawei и ZTE активно участвуют в проектах по внедрению сетей 5G, созданию оптоволоконных линий связи и строительству дата-центров на территории России [3, с. 53]. По сравнению с аналогичными западными решениями, китайские технологии выгоднее по стоимости, более гибкие и быстрее внедряются, что соответствует стратегическим приоритетам российской цифровой политики. Также осуществляется работа по совместности китайской спутниковой системы «Бэйдоу» и российской ГЛОНАСС, что отражает стремление обеих стран к формированию независимых цифровых систем и укреплению технологического суверенитета.

Вторым значимым направлением стало сотрудничество в сфере финансовых технологий и цифровых платёжных систем. В условиях ограниченного доступа к системе SWIFT и

усиления контроля над долларовыми транзакциями, Москва и Пекин активизируют расчёты в национальных валютах и изучают потенциал блокчейн-технологий для трансграничных операций. Разработка цифрового рубля в России и внедрение цифрового юаня в Китае создают основу для более тесного взаимодействия в построении альтернативной, незападной финтех-экосистемы.

Также набирает силу партнёрство в таких инновационных областях, как искусственный интеллект, анализ больших данных и кибербезопасность. Китай обладает развитыми компетенциями в создании и внедрении алгоритмов ИИ, в то время как Россия традиционно сильна в теоретических и математических аспектах, что открывает возможности для взаимного обогащения [12, с. 21]. В сфере цифровой безопасности и управления данными обе страны выступают с общих позиций, отстаивая принципы «цифрового суверенитета» и контроля над внутренним киберпространством, выражая несогласие с подходами, основанными на идеологических и ценностных вмешательствах, характерных для западной цифровой политики.

Тем не менее, несмотря на высокие перспективы цифрового партнёрства, его развитие сдерживается рядом препятствий. В первую очередь, всё ещё не удалось согласовать технические стандарты и механизмы контроля в сфере безопасности. Кроме того, существуют различия в подходах к вопросам трансграничной передачи данных, организации облачных сервисов и обеспечению прозрачности информационных потоков. Также на реализацию совместных проектов оказывает влияние настороженное отношение западной общественности к технологическому сближению Китая и России.

В целом цифровое взаимодействие не только становится одним из главных драйверов в развитии российско-китайских отношений, но и представляет собой попытку выстроить альтернативный мировой цифровой порядок, возникающий в ответ на внешнее давление. Будущее стабильность и эффективность этого сотрудничества будет зависеть от способности сторон поддерживать гибкий и устойчивый баланс между доверием, технологической совместимостью и институциональной координацией.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) и стратегические ориентиры России в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Евразийского партнёрства (ЕП) представляют собой ключевые концепции регионального развития на евразийском

пространстве. Несмотря на различия в происхождении и приоритетах, обе стратегии объединяет стремление противодействовать одностороннему подходу в международной политике, а также продвигать региональную взаимосвязанность и многостороннее сотрудничество [1, с. 8]. В условиях укрепления двусторонних связей между Россией и Китаем особое значение приобретает вопрос согласования этих инициатив, особенно в цифровой сфере, как средства обеспечения эффективной синергии и продвижения региональной и институциональной интеграции.

С точки зрения целеполагания, инициатива ОПОП ориентирована на формирование новой модели международного взаимодействия, основанной на открытости, инклюзивности и взаимной выгоде, с упором на развитие инфраструктуры, торговых связей и согласование политик. В то же время Евразийское партнёрство сосредоточено на углублении интеграционных процессов в постсоветском пространстве и укреплении позиций России в регионе. Несмотря на различия в акцентах, обе концепции стремятся к формированию новой архитектуры международного сотрудничества, что создаёт основу для дальнейшей координации как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

В аспекте цифровой инфраструктуры обе инициативы включают важные цифровые компоненты – «Цифровой шелковый путь» с китайской стороны и формирующуюся «Цифровое евразийское пространство» с российской. Китай активно развивает трансграничные цифровые магистрали, включая оптические кабели, data-центры и интеллектуальные логистические узлы. Россия, в свою очередь, реализует национальные проекты по развитию 5G, искусственного интеллекта и систем защиты данных, параллельно развивая партнёрство с Китаем в сферах технологий, цифровых платформ и подготовки специалистов. Совместные инициативы, такие как «Электронная коммерция Шёлкового пути» и цифровые логистические решения, служат важными инструментами продвижения цифровой интеграции региона [10, с. 30].

На уровне институтов обе страны демонстрируют схожие подходы к цифровому управлению, отдавая предпочтение модели, основанной на принципе государственного суверенитета в цифровом пространстве. Россия и Китай акцентируют внимание на кибербезопасности и защите культурной идентичности, выступая против доминирования либеральной цифровой модели, что формирует

идеологическую основу для развития альтернативной цифровой среды на евразийском пространстве.

В процессе стратегической стыковки сохраняются определённые трудности. Во-первых, позиция России в отношении ОПОП продолжительное время оставалась неоднозначной, что во многом объясняется опасениями по поводу роста китайского влияния в Центральной Азии. Во-вторых, члены ЕАЭС по-разному оценивают перспективы сотрудничества с Китаем, что снижает эффективность институционального сопряжения. В-третьих, до сих пор не выработаны стабильные механизмы правовой и операционной координации, способные обеспечить устойчивое и масштабируемое развитие цифрового взаимодействия.

Несмотря на существующие барьеры, потенциал цифрового сотрудничества между Китаем и Россией в рамках сопряжения инициатив остаётся значительным. Для его реализации необходимо углублять стратегический диалог на высоком уровне, способствовать стандартизации технических и правовых норм, а также формировать многосторонние платформы взаимодействия [11]. Это создаст основу для построения «Евразийского цифрового сообщества», в котором «Цифровой шелковый путь» станет ключевой опорой, а институциональная координация — гарантией устойчивого развития в условиях меняющейся геополитической среды.

Достигнутый в последние годы в сфере цифрового взаимодействия между Китаем и Россией, а также его возрастающее значение как опоры двусторонних отношений, дальнейшее развитие этого сотрудничества сталкивается с целым рядом рисков и структурных ограничений. Эти сложности обусловлены не только техническими аспектами согласования и интеграции, но и более глубинными разногласиями на институциональном, стратегическом и внешнеполитическом уровнях.

Прежде всего, усиливается проблема технологического дисбаланса и односторонней зависимости. В ключевых областях цифровых технологий, включая телекоммуникационное оборудование, облачные вычисления, платформенные решения и искусственный интеллект, китайские компании сохраняют лидирующие позиции, тогда как Россия играет менее значимую роль в соответствующих технологических цепочках. Такая асимметрия порождает озабоченность российской стороны относительно сохранения цифрового суверени-

тета, особенно в вопросах кибербезопасности и контроля над критической инфраструктурой. В этих условиях российские власти склонны к развитию собственных, автономных систем и осторожному подходу к внешним технологическим решениям.

Во-вторых, серьёзным барьером остаются институциональные расхождения и сложности в согласовании регуляторной базы. Несмотря на общее согласие относительно концепции «цифрового суверенитета», между странами сохраняются различия в управлении данными, трансграничных потоках информации, шифровании и киберконтроле. Так, Китай активно внедряет централизованную и многоуровневую систему регулирования данных, тогда как Россия делает упор на локализацию информации и обеспечение её безопасности [4]. Эти различия могут порождать затруднения при реализации совместных цифровых проектов, особенно в части соблюдения регуляторных требований. Кроме того, большое количество персональных и корпоративных данных, задействованных в работе цифровых платформ, вызывает необходимость нахождения баланса между эффективностью рыночных механизмов и государственным контролем.

Третий дестабилизирующим фактором выступает изменчивая внешняя среда. Китайско-российское технологическое взаимодействие всё чаще становится объектом критики со стороны западных государств, сопровождающейся введением санкций и экспортных ограничений по соображениям национальной безопасности. Это снижает международную легитимность совместных проектов и оказывает негативное влияние на инвестиции, логистику и репутационные аспекты. Например, после ограничений на западных рынках Huawei и ZTE усилили своё присутствие в России, но при этом подверглись негативной интерпретации в западном информационном поле, что создало дополнительные репутационные и политические риски для российских партнеров. Более того, продолжающийся российско-украинский конфликт и поляризация мировой системы создают дополнительные препятствия и усиливают неопределенность в вопросах долгосрочного сотрудничества.

Наконец, остаётся нерешённой проблема институциональной координации и отсутствия полноценных многосторонних механизмов. Несмотря на наличие диалога по вопросам цифровых технологий в рамках ШОС и БРИКС, у России и Китая пока нет двустороннего

соглашения, регулирующего цифровое партнёрство, равно как и общей нормативной платформы. На текущем этапе взаимодействие в основном осуществляется за счёт административных решений и проектной активности, без чётко прописанных процедур управления рисками и механизмов долгосрочного планирования. Этот институциональный пробел может оказаться серьёзным источником системных рисков при дальнейшем расширении масштаба сотрудничества.

Несмотря на высокую практическую значимость и стратегический потенциал китайско-российского цифрового партнёрства, его устойчивое развитие требует преодоления обозначенных рисков и институциональных барьеров. Лишь при условии создания эффективных механизмов координации, сближения правовых систем и укрепления взаимного стратегического доверия возможен переход от фрагментарного проектного взаимодействия к полноценной, устойчивой модели сотрудничества – от технологической комплементарности к совместному формированию единой цифровой экосистемы.

На фоне масштабных санкций, введённых западными странами против России, а также усиливающейся нестабильности в мировой geopolитике, стратегия «поворота на Восток» постепенно трансформировалась из тактического сдвига в более комплексную и многослойную модель внешнеполитического взаимодействия [15]. В этом контексте Китай, обладая значительным политическим и экономическим влиянием в Азии и на глобальном уровне, стал для России не только ключевым партнёром в замещении утраченных рынков и технологическом сотрудничестве, но и важной опорой в создании альтернативной сети международных отношений, основанной на восточных институтах и ценностях.

Исследование китайско-российского взаимодействия в сфере цифровых технологий показывает, что эта область превращается в один из главных векторов стратегического взаимодействия двух стран. В направлениях, связанных с цифровой инфраструктурой, финансовыми технологиями, искусственным интеллектом и управлением в киберпространстве, между Китаем и Россией прослеживается высокая степень взаимодополняемости и потенциал для координации на стратегическом уровне. Технологическая мощь Китая и его достижения в сфере цифровой экономики оказывают существенную поддержку стремлениям России к

достижению технологического суверенитета и адаптации экономики к условиям внешнего давления. Совместное продвижение концепции «цифрового суверенитета» формирует также идеологическую базу для построения альтернативной модели глобального цифрового управления.

Выводы

На фоне расширяющегося сотрудничества всё острее проявляются и проблемы: сохраняются структурные диспропорции, наблюдается дефицит институциональной согласованности, а внешние ограничения усиливаются. Особенно актуальными становятся вопросы, связанные с технологической зависимостью, доверием в сфере информационной безопасности, а также конкуренцией за влияние в формировании международного цифрового нарратива. В этих условиях устойчивость цифрового партнерства между Китаем и Россией будет зависеть от способности сохранить баланс между стратегической автономией и необходимым уровнем доверия.

В перспективе первоочередной задачей для обеих стран становится развитие институциональной основы сотрудничества: подписание двусторонних соглашений в цифровой сфере, создание механизмов координации по

защите данных и кибербезопасности. Одновременно важно расширять взаимодействие в рамках многосторонних платформ и реализовывать совместные проекты в третьих странах, содействуя формированию более инклюзивной, сбалансированной и безопасной архитектуры цифрового управления. Сопряжение китайской инициативы «Цифровой шелковый путь» и российской стратегии «Евразийского партнёрства» может стать основой для формирования «Евразийского цифрового сообщества» с широкой геостратегической перспективой, способного использовать потенциал внезападных стран для переосмысливания структуры глобального цифрового порядка.

Цифровое взаимодействие выходит за рамки традиционного формата китайско-российского партнёрства и представляет собой стратегический отклик на трансформацию мирового политико-экономического контекста. Это сотрудничество отражает не только адаптационные способности обеих стран к внешним вызовам, но и открывает перспективы построения новой модели международного взаимодействия, где технологии становятся основным средством и пространством кооперации.

Список источников

1. Авдокушин Е.Ф. Поворот России на Восток – стратегия XXI века // Вопросы новой экономики. 2015. № 2. С. 5 – 12.
2. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 3. С. 7 – 20.
3. Борисова Ю.М. Результаты «поворота» на Восток в контексте введения новых антироссийских санкций // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 1. С. 50 – 58.
4. Евразийская инициатива «Большое Евразийское партнерство» и «Один пояс, один путь»: сравнительный анализ // КиберЛенинка. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-initsiativa-bolshoe-evraziyskoe-partnerstvo-i-odin-poyas-odin-put-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 01.03.2025)
5. Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № Supplement. С. 6 – 10.
6. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток» // Вестник Дальневосточного федерального университета. 2022. № 4. С. 112 – 125.
7. Лагутина М.Л. Большое Евразийское партнерство: синергия инициатив «Один пояс, один путь» и ЕАЭС // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 6 (75). С. 45 – 59.
8. Лагутина М.Л., Лапенко М.В. Поворот на Восток в контексте внешней политики России: история и современность // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 23 – 37.
9. Ли Юнцюань Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху: доклад по итогам конференции РСМД. М.: Российский совет по международным делам, 2024. 19 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Conference-Report-RUCN2024-ru.pdf> (дата обращения: 01.03.2025)
10. Поворот на Восток в контексте внешней политики России: история и современность // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 23 – 37.

11. Результаты «поворота» на Восток в контексте введения новых антироссийских санкций // ResearchGate. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/324687854_Russian_Turn_to_East_on_the_Back_of_the_New_Anti-Russian_Sanctions/fulltext/5add2e4aa6fdcc29358b5852/Russian-Turn-to-East-on-the-Back-of-the-New-Anti-Russian-Sanctions.pdf (дата обращения: 01.03.2025)
12. Сафронова Е. И. Современные российско-китайские отношения: поворот России на Восток, поворот Китая на Запад // ИККАРАС. 2017. 38 с. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/book-2017-ruchrel.pdf (дата обращения: 01.03.2025)
13. Спивак В. Разворот к Китаю состоялся? // Россия и АТР. 2015. № 3 (89). С. 5 – 11.
14. Цветов А. Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России // Carnegie Endowment for International Peace. 2017. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2017/10/vmesto-povorota-asean-i-evrazijskij-proekt-rossii?center=russia-eurasia&lang=ru> (дата обращения: 01.03.2025)
15. Экономическое сотрудничество Китая и России на фоне западных санкций // КиберЛенинка. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii-na-fone-zapadnyh-sanktsiy-1> (дата обращения: 01.03.2025)

References

1. Avdokushin E.F. Russia's turn to the East - a strategy of the 21st century. Issues of the new economy. 2015. No. 2. P. 5 – 12.
2. Bordachev T.V., Pyatachkova A.S. The concept of Greater Eurasia in Russia's turn to the East. Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2018. No. 3. P. 7 – 20.
3. Borisova Yu.M. Results of the "turn" to the East in the context of the introduction of new anti-Russian sanctions. Problems of the post-Soviet space. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 50 – 58.
4. Eurasian initiative "Greater Eurasian Partnership" and "One Belt, One Road": a comparative analysis. CyberLeninka. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evrazijskaya-initiatiava-bolshoe-evrazijskoe-partnerstvo-i-odin-poyas-odin-put-sravnitelnyy-analiz> (date of access: 01.03.2025)
5. Karaganov S.A., Makarov I.A. Turn to the East: Results and Tasks. Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2015. Vol. 8. No. Supplement. P. 6 – 10.
6. Chinese-Russian Trade and Economic Cooperation Against the Background of the "Turn to the East" Strategy. Bulletin of the Far Eastern Federal University. 2022. No. 4. Pp. 112 – 125.
7. Lagutina M.L. The Greater Eurasian Partnership: Synergy of the Belt and Road Initiatives and the EAEU. Bulletin of MGIMO University. 2021. No. 6 (75). P. 45 – 59.
8. Lagutina M.L., Lapenko M.V. Turn to the East in the Context of Russia's Foreign Policy: History and Modernity. Eastern Vector: History, Society, State. 2023. Issue 1. P. 23 – 37.
9. Li Yongquan Russia and China: Cooperation in a New Era: Report on the Results of the RIAC Conference. Moscow: Russian International Affairs Council, 2024. 19 p. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Conference-Report-RUCN2024-ru.pdf> (date accessed: 01.03.2025)
10. Turn to the East in the context of Russia's foreign policy: history and modernity. Eastern vector: history, society, state. 2023. Issue 1. P. 23 – 37.
11. Results of the "turn" to the East in the context of the introduction of new anti-Russian sanctions. ResearchGate. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/324687854_Russian_Turn_to_East_on_the_Back_of_the_New_Anti-Russian_Sanctions/fulltext/5add2e4aa6fdcc29358b5852/Russian-Turn-to-East-on-the-Back-of-the-New-Anti-Russian-Sanctions.pdf (accessed: 01.03.2025)
12. Safronova E. I. Modern Russian-Chinese relations: Russia's turn to the East, China's turn to the West. IKKARAS. 2017. 38 p. URL: https://www.iccaras.ru/files/abook_file/book-2017-ruchrel.pdf (date of access: 01.03.2025)
13. Spivak V. Has the Turn to China Taken Place? Russia and the Asia-Pacific Region. 2015. No. 3 (89). Pp. 5 – 11.

14. Tsvetov A. Instead of a Turn: ASEAN and Russia's Eurasian Project. Carnegie Endowment for International Peace. 2017. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2017/10/vmesto-povorota-asean-i-evrazijskij-proekt-rossii?center=russia-eurasia&lang=ru> (date of access: 01.03.2025)

15. Economic Cooperation between China and Russia Against the Background of Western Sanctions. CyberLeninka. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiceskoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii-na-fone-zapadnyh-sanktsiy-1> (date of access: 01.03.2025)

Информация об авторе

Ханьтин Се, Санкт-Петербургский государственный университет

© Ханьтин Се, 2025